

ТВОЯ КНИЖНАЯ ПОЛКА

ПАМЯТНИК

«дедушке Корнею»

1-9 АВГ 1985

КОГДА-НИБУДЬ — и хочется верить, что уже скоро, — рядом с собранием сочинений Корнея Чуковского станет на книжных полках собрание сочинений о нем. Многотомное — поскольку нужно будет охватить все стороны деятельности и долгой жизни этого замечательного человека. Я представляю себе тома «Чуковский — переводчик и теоретик перевода», «Чуковский — литературовед», «Чуковский — лингвист». И, конечно же, «Чуковский — детский писатель и теоретик детской литературы». Эскиз этого тома уже есть — книга С. Сивоконя **«Чуковский и дети»**, вышедшая в издательстве **«Знание»**.

«В русской литературе лишь два писателя получили в народе неофициальное, но почетное звание дедушки: Иван Андреевич Крылов и Корней Иванович Чуковский. Причем Корнея Ивановича называли «дедушкой Чуковским» еще при жизни».

Обязывающее начало книги! Обязывающее потому, что некоторые из нас, чего греха таить, забывают или даже торопятся забыть свое детство (так хочется скорее стать взрослым!), прошедшее со стихами Чуковского, Маршак и других замечательных поэтов.

А впрочем... надо ли нам напоминать про Айболита, Мойдодыра, Муху-Цокотуху и других персонажей сказок Чуковского? Будь мы хоть сто раз взрослыми — разве мы забудем их когда-нибудь? Недаром же книга кончается письмом «дедушке» Чуковскому от другого дедушки, выросшего на его сказках и теперь на них растящего своего внука. Напоминать, пожалуй, не надо, но объяснить, как это сделано, весьма полезно. В книге С. Сивоконя среди других есть пример, весьма убедительно показывающий, как из мало кому у нас известного доктора Дулитла американского писателя Гью Лофтинга получился «добрый доктор Айболит», которого знают все.

В Айболита вошел не только этот доктор Дулитл, но и вильненский врач Шаббад, которого Чуковский знал, и великий гуманист Альберт Швейцер, который уехал в Африку и основал там больницу, проработал долгие годы, леча не только людей, но и животных, — тоже «добрый доктор». Вот отзывчивость на то, что носится в воздухе времени, способность уловить это — свойство всякого хорошего писателя, в том числе и детского; Чуковский этим свойством обладал в полной мере. И умел воплотить — сравнивая начало книги Лофтинга с «Айболитом», С. Сивоконь показывает, насколько в данном случае пересказ лучше оригинала — приведенный отрывок сокращен больше чем вдвое, опущены необязательные детали, больше простора оставлено воображению ребенка, трансформированы

применительно к его слуху имена персонажей («Дулитл — трудное слово для русского читателя, а тем более ребенка. То ли дело «Айболит»! Просто в произношении и выразительно до предела). Об этой «кухне» литературы читатель — ребенок не догадывается, а взрослый тоже вряд ли задумается, потому что Айболит с детства вошел в наше сознание, и анализировать, расчленять тайну его обаяния — дело вроде бы лишнее смысла. Но, вникая в то, как сделано, мы лучше понимаем тайну обаяния самого писателя Корнея Чуковского — не зря же Сивоконь заканчивает свой рассказ об этой книге словами: «...Айболит стал, пожалуй, главным героем Чуковского, своеобразным двойником «дедушки Корнея». И если надо дать иллюстрацию к детскому творчеству Чуковского, рука художника чаще всего рисует портрет доктора Айболита».

Но главное, что мы находим в этой книге о Чуковском, — рассказ о том, как писатель, у которого были десятки других интересов и точек приложения своих немалых сил, всю жизнь оставался органически, естественно, по душевному влечению верен детям и детству. И в молодости, и в годы, когда он вместе с другими создавал советскую детскую литературу, и в тяжелые военные времена, и в старости, когда его дом в Переделкине был центром притяжения для всех окрестных детей. Он сам всю свою жизнь был «детским праздником» — все мы об этом хорошо знаем, но иногда полезно и напомнить об этом — чтобы мы не забывали, откуда что началось.

Я бы сказал так: трудно представить себе, чтобы чье-нибудь детство в нашей стране обошлось без Корнея Чуковского. Но если и представить себе такое — то каким же обделенным кажется это детство, лишенным какого-то большого количества доброты, понимания, юмора!

КОГДА я иду по Москве, то часто вижу на улицах книжные лотки. Немалое место на них занимают детские книжки — около них всегда толпится особенно много людей. И каждый раз я думаю — там, среди других, наверное, есть сказки Чуковского, и, конечно, кто-нибудь покупает их для своего малыша, и значит, ребенка ждет сегодня радость. И тогда уходит мысль о том, что не создано еще собрание сочинений о Чуковском, точнее, не уходит, а кажется не очень существенной. Потому что это собрание пишется каждый день в миллионах благодарных детских сердец. В книге приведены несколько писем Чуковскому от детей, в одном из них есть слова: «...мы дети больше вас любим» (пунктуация оригинала сохранена). Это правда — дети способны любить сильнее.

Ю. СМЕЛКОВ.